

Цереброметаболическое здоровье

М.М. Танащян, К.В. Антонова

Российский центр неврологии и нейронаук, Москва, Россия

Аннотация

В статье освещена глобальная проблема поражения нервной системы и церебральных последствий при метаболических расстройствах. Представлена концепция нарушения цереброметаболического здоровья как прогрессивное прогрессирующее мозговой дисфункции. Выделение последовательности изменений на всех этапах определяет важность и таргетность своевременного вмешательства для обеспечения мер профилактики и лечения сосудистых заболеваний головного мозга.

Ключевые слова: инсульт; цереброваскулярные заболевания; когнитивные нарушения; ожирение; сахарный диабет; цереброметаболическое здоровье

Источник финансирования. Авторы заявляют об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Адрес для корреспонденции: 125367, Россия, Москва, Волоколамское шоссе, д. 80. Российский центр неврологии и нейронаук. E-mail: kseniya.antonova@mail.ru. Антонова К.В.

Для цитирования: Танащян М.М., Антонова К.В. Цереброметаболическое здоровье. *Анналы клинической и экспериментальной неврологии*. 2025;19(2):62–73.

DOI: <https://doi.org/10.17816/ACEN.1359>

EDN: <https://elibrary.ru/TJXFNR>

Поступила 07.05.2025 / Принята в печать 16.05.2025 / Опубликовано 30.06.2025

Cerebrometabolic Health

Marine M. Tanashyan, Ksenia V. Antonova

Russian Center of Neurology and Neurosciences, Moscow, Russia

Abstract

The article addresses the global challenge of nervous system damage and cerebral consequences in metabolic disorders. It introduces the concept of impaired cerebral metabolic health as a progressive progression of cerebral dysfunction. Delineating the sequence of changes at all stages underscores the importance of targeted timely interventions to ensure preventive measures and treatment of cerebral vascular diseases.

Keywords: stroke; cerebrovascular disease; cognitive impairment; obesity; diabetes mellitus; cerebrometabolic health

Source of funding. The study was not supported by any external sources of funding.

Conflict of interest. The authors declare no apparent or potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For correspondence: 80, Volokolamskoye shosse, Moscow, Russia, 125367. Russian Center of Neurology and Neurosciences. E-mail: kseniya.antonova@mail.ru. Ksenia V. Antonova

For citation: Tanashyan M.M., Antonova K.V. Cerebrometabolic health. *Annals of Clinical and Experimental Neurology*. 2025;19(2):62–73

DOI: <https://doi.org/10.17816/ACEN.1359>

EDN: <https://elibrary.ru/TJXFNR>

Received 07.05.2025 / Accepted 16.05.2025 / Published 30.06.2025

Введение

Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей является стратегической национальной целью. Ключевой задачей является рост

ожидаемой продолжительности здоровой и активной жизни населения России. Для достижения важнейших поставленных целей в условиях динамичных изменений современности необходимо оперативно внедрять эффективные меры в сфере здравоохранения. Развитие меди-

цинской науки, создание изделий и платформ нового поколения, биомедицинских и когнитивных технологий необходимы для действий в сфере народосбережения, отвечающих на вызовы сегодняшнего дня.

К приоритетным задачам сохранения здоровья населения относится борьба с глобальным лидером среди причин смерти – болезнями системы кровообращения, в структуре которых имеет большой вес и занимает обособленные позиции цереброваскулярная патология. Сосудистые заболевания головного мозга характеризуются не только высоким уровнем инвалидизации и смертности, но и нейрокогнитивными расстройствами, способными привести к утрате независимости. Когнитивные расстройства и деменция утвердились в качестве приоритета общественного здравоохранения, требующего действий на национальном уровне.

Сосудистые заболевания головного мозга – группа заболеваний, представляющая собой не только важную медицинскую, но и социально-экономическую проблему. Мероприятия по профилактике цереброваскулярных заболеваний (ЦВЗ), принимаемые как на популяционном, так и на индивидуальном уровне, должны влиять на основные метаболические факторы риска – индукторы роста сосудистых заболеваний: острых нарушений мозгового кровообращения (НМК), хронических ЦВЗ, церебральной микроангиопатии и сопутствующих им когнитивных расстройств [1–4].

Связь обменных и церебральных расстройств доказана, однако проблема единства широкого спектра патологии мозга, в первую очередь сосудистой, и метаболических нарушений не имела системного решения. Высокая частота заболеваемости и смертности от ЦВЗ, бремя инсульта и когнитивных нарушений (КН) вызывает множество вопросов, ответы на которые до конца не найдены. Разработанная **концепция цереброметаболического здоровья** отражает взаимодействие метаболических факторов риска, сосудистой системы, структурное и функциональное состояние мозга. В условиях нарушения цереброметаболического здоровья, особенно для лиц с неблагоприятными характеристиками образа жизни, существует необходимость в понимании механизмов развития, определении возможностей профилактики и лечения неблагоприятного цереброметаболического статуса в зависимости от этапа развития изменений.

Континуум цереброметаболических нарушений

Существует ряд факторов или основополагающих причин, влияющих на развитие хронических болезней. Они являются отражением основных движущих сил, приводящих к социальным, экономическим и культурным изменениям, – в первую очередь это глобализация, воздействие которой на здоровье человечества опосредуется изменением гомеостаза. Таким образом, комплекс социально-экономических, демографических и экологических изменений, затрагивающий государства, ложится в основу наблюдаемой проблемы синдемии цереброметаболических расстройств, что непосредственно отражается на качестве и продолжительности жизни.

Глобальные последствия синдемии церебральных и метаболических расстройств

Результаты эпидемиологических исследований, динамика абсолютных показателей инсульта за прошедшие три десятилетия подчёркивают неуклонно возрастающую важность проблемы цереброметаболического здоровья. По данным Исследования глобального бремени болезней, травм и факторов риска¹, в 2021 г. инсульт был третьей по частоте причиной смерти – 7,3 млн (95% доверительный интервал (ДИ) 6,6–7,8 случаев; 10,7% (9,8–11,3) от всех смертей) после ишемической болезни сердца и COVID-19 и четвертой по частоте причиной потерянных лет жизни с поправкой на инвалидность (disability-adjusted life-years, DALY): 160,5 млн (147,8–171,6) DALY; 5,6% (5,0–6,1) всех DALY. Существенное увеличение значения DALY было связано с метаболическими факторами. Наибольшую динамику роста среди факторов риска НМК демонстрирует высокий индекс массы тела (ИМТ) – 88,2% (53,4–117,7). Бремя инсульта связано с высоким уровнем глюкозы плазмы натощак – 32,1% (26,7–38,1), рационом питания с большой долей сахаросодержащих напитков – 23,4% (12,7–35,7), низкой физической активностью – 11,3% (1,8–34,9), высоким систолическим артериальным давлением – 6,7% (2,5–11,6), а также средовыми факторами. Инсульт, обусловленный метаболическими рисками, составил 68,8% (57,6–77,5) всех НМК [1]. Указанные факторы риска являются модифицируемыми и потенциально предотвратимыми, что определяет значимость их стратификации и коррекции с целью снижения бремени инсульта.

Когнитивные нарушения. В сфере национальных стратегических интересов чётко обозначены задачи снижения бремени возраст-ассоциированных расстройств: предупреждения и лечения КН и сенсорных нарушений, превентивной медицины, здорового и активного долголетия. Основными причинами КН в старшем возрасте являются различные нейродегенеративные заболевания, ЦВЗ и дисметаболические нарушения. Прогнозируется увеличение числа людей с деменцией с 57,4 (50,4–65,1) млн случаев во всём мире в 2019 г. до 152,8 (130,8–175,9) млн в 2050 г. Обнаружены веские доказательства, подтверждающие важность потенциально изменяемых факторов риска деменции. Характеристика распределения и масштабов ожидаемого роста имеет решающее значение для планирования мер противодействия. Спрогнозированная возрастающая распространённость деменции (с 2019 по 2050 г.) обусловлена тремя факторами риска, включёнными в Исследование глобального бремени болезней, травм и факторов риска: высокий ИМТ, высокий уровень глюкозы плазмы натощак и курение. Рост числа людей, живущих с деменцией, подчёркивает необходимость усилий по планированию общественного здравоохранения, включая многогранные подходы и расширение масштабов вмешательств для устранения изменяемых факторов риска [5].

Определение ключевой роли, которую играют метаболические нарушения в церебральной дисфункции, является

¹Global burden of disease, injuries, and risk factors study.
URL: <https://www.healthdata.org/research-analysis/about-gbd>

ся базисом для формирования новых подходов к борьбе с нейрокогнитивными расстройствами, ассоциированными с нарушением цереброметаболического здоровья.

Метаболические заболевания, такие как сахарный диабет (СД), артериальная гипертензия (АГ) и ожирение, представляют собой значительные и растущие проблемы для глобальных систем здравоохранения [6, 7]. Патологические основы этих метаболических заболеваний взаимосвязаны и являются основными факторами риска болезней системы кровообращения – главной причины смерти во всём мире [8, 9]. Раскрыто глобальное бремя пяти распространённых метаболических заболеваний [6, 10]: СД 2-го типа (СД2), АГ, гиперхолестеринемии, ожирения и неалкогольной жировой болезни печени [11–13]. При этом метаболические заболевания часто сосуществуют и оказывают на здоровье совокупное воздействие [7, 13]. В 2021 г. среди пяти распространённых метаболических заболеваний наибольшее бремя несла АГ (226 (259–9190) млн DALY), в то время как СД2 (75 (63–90) млн DALY) привнес к гораздо большей инвалидности, чем неалкогольная жировая болезнь печени (3,67 (2,90–4,61) млн). Значение этих метаболических заболеваний возрастает в течение последних трёх десятилетий, причём глобальные последствия СД2 и ожирения преобладают, в то время как влияние бремени АГ и гиперхолестеринемии уменьшается. Несмотря на медицинские и профилактические вмешательства, наблюдается резкий рост числа летальных исходов и смертности, связанных с метаболическими болезнями, что подчёркивает необходимость скоординированных мер [5].

Изменения в рационе и физической активности часто становятся следствием экологических и социальных перемен в результате прогресса в таких секторах, как здравоохранение, сельское хозяйство, транспорт, городское планирование, производство и сбыт продуктов питания, маркетинг и производственные технологии. Увеличение веса и ожирение, обусловленные указанными изменениями, ведут к глобальным нарушениям здоровья общества.

Ожирение – пандемия начала XXI в. (39–49% населения мира), ассоциированная с сосудистой патологией головного мозга. Распространённость ожирения утроилась с 1975 г. На настоящее время 30% населения мира имеют ожирение или избыточную массу тела [1]. В целом для России характерны общемировые тренды: среднепопуляционное значение ИМТ составляет 27,6 кг/м², ожирение чаще встречается у женщин, доля людей с ожирением увеличивается с возрастом, возрастает представленность абдоминального ожирения [14]. Согласно результатам скрининга популяции трудоспособного возраста 40–59 лет, проведённого Российским центром неврологии и нейронаук (РЦНН), ожирение отмечено у трети обследованных, что в сумме с избыточным весом достигло 67% наблюдений [15].

Избыточный вес и ожирение связаны с более высокой частотой острого инсульта в целом и ишемического инсульта (ИИ) в частности, как у мужчин, так и у женщин. В обследованной нами группе пациентов с ИИ у 7% не зафиксировано повышения ИМТ, у 40% – избыточная

масса тела (25,0–29,9 кг/м²), ожирение – у 53%: у 34% – I степени (ИМТ 30,0–34,9 кг/м²), у 13% – II степени (ИМТ 35,0–39,9 кг/м²) и у 6% – III степени (ИМТ ≥ 40 кг/м²); значения ИМТ у больных с ИИ на фоне СД2 составили 32,7 (29–36) кг/м², у больных без СД2 – 29 (27–31) кг/м².

Кроме того, избыточный вес и ожирение ассоциированы с повышенным риском геморрагического инсульта у мужчин [16]. Распространённость ожирения у пациентов с НМК составляет 18–50% [17, 18]. Отмечено, что у пациентов с ожирением, которые пережили первый инсульт, наблюдаются меньшие показатели долгосрочной смертности после инсульта – «парадокс ожирения» [19, 20]. Однако эффект парадокса ожирения в исходах НМК может различаться в зависимости от патогенетического подтипа ИИ [21]. Парадокс наблюдался при использовании ИМТ в качестве критерия и не отмечен при использовании таких индексов, как соотношение окружности талии и окружности бёдер и доля жира в организме [22], что подчёркивает важность учёта фенотипа ожирения в прогнозе инсульта.

Избыточная жировая ткань (как в целом, так и висцеральная) связана со снижением когнитивных показателей после поправки на сердечно-сосудистые факторы риска, уровень образования и сосудистое поражение головного мозга [23]. При оценке влияния жировой ткани на микроангиопатию по результатам кросс-секционного исследования более 6000 добровольцев отмечено, что как таковое повышение ИМТ не связано с более высокой нагрузкой церебральной микроангиопатии; однако ассоциированные показатели метаболического неблагополучия (в особенности повышенное АД и гипергликемия) являются важными факторами риска микроангиопатии [24], что подтверждает важность комплексного подхода к проблеме цереброметаболического здоровья.

Именно абдоминальное ожирение, ассоциированное с метаболическими альтерациями, повышает риск ЦВЗ. Результаты современных исследований позволяют характеризовать ИМТ как недостаточно эффективный в определении риска развития коморбидных заболеваний, в том числе сосудистой патологии головного мозга. Предлагаются ряд альтернативных подходов к оценке жировой массы тела пациента [25]. Пагубные последствия абдоминального ожирения связаны с дисфункцией висцеральной жировой ткани, которая, в свою очередь, коррелирует с такими факторами риска сосудистых заболеваний, как инсулинорезистентность, системное воспаление, дислипидемия, АГ [18].

Проведённое собственное исследование с использованием биоимпедансного анализа выявило, что пациенты с ЦВЗ по составу тела отличаются от лиц без сосудистой патологии мозга. У больных с сосудистой патологией мозга в ходе как антропометрических измерений, так и инструментальных исследований обнаружено увеличение числа маркеров висцерального перераспределения жира. Отмечено увеличение площади абдоминального жира (163,4 ± 63,5 против 136,34 ± 53,4 см²; $p = 0,039$); окружности талии (106,7 ± 18,0 vs 98,2 ± 13,3 см; $p = 0,017$); соотношения окружности талии к окружности бёдер (1,02 ±

0,1 vs 0,95 ± 0,08; $p < 0,001$), отражающих абдоминальное ожирение при отсутствии значимых различий при оценке по ИМТ. Висцеральное перераспределение жировой массы, способствующее развитию метаболических нарушений, сочеталось с большей представленностью АГ, СД2 и измененный липидного спектра крови у пациентов с ЦВЗ [26].

Увеличение представленности метаболических расстройств повышает вероятность НМК. Метаанализ 87 исследований показал повышенный риск инсульта (OR = 2,27 (1,80–2,85)) [27] и рецидива инсульта (OR = 1,46 (1,07–1,97); $p = 0,02$) [28]. Люди с 3 и более компонентами метаболического синдрома имеют повышенный риск инсульта в целом (OR = 1,29 (1,09–1,52)), а также повышенный риск развития ИИ (OR = 1,31, (1,05–1,63)) [29]. Отмечен и риск прогрессирования КН – от лёгких до деменции [30].

Многолетний цикл собственных работ по изучению особенностей клинической симптоматики как острых, так и хронических форм сосудистой патологии мозга при различных проявлениях метаболического синдрома выявил их большую и акцентированную выраженность. Более того, отмечены не только более глубокие нарушения неврологических функций, но и недостаточное их восстановление с худшими результатами в виде чувствительных и речевых расстройств, что может сказаться на реабилитационном потенциале больных [31–38].

Сахарный диабет – серьёзная проблема мирового здравоохранения вследствие эпидемических темпов прироста распространённости и глобального медико-социального ущерба, обусловленного тяжестью диабетических осложнений, риском инвалидизации и преждевременной смерти пациентов [39]. Согласно данным Международной диабетической федерации², СД является одной из самых быстрорастущих глобальных чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения XXI в. В 2024 г. количество пациентов с СД в возрасте 20–79 лет в мире достигло 588,7 млн, что опередило ранее прогнозируемые темпы прироста, а к 2050 г. ожидается почти двукратное увеличение – до 852,5 млн человек (на 45%). По данным государственной статистики, в России увеличение числа пациентов с СД за 2009–2023 гг. достигло 74,5% [40]. Анализ клинко-эпидемиологического мониторинга СД на территории России показал, что целевой показатель гликированного гемоглобина ($HbA_{1c} < 7\%$) достигается лишь у 42% пациентов с СД2, а эффективный контроль АД – у 60% [41].

Многочисленные широкомасштабные эпидемиологические исследования показали, что СД выступает важным и независимым фактором риска развития инсульта [42]. Многомерная модель «палитры» рассматривает СД как сумму влияния нескольких факторов и выделяет субкатегории СД. В рамках выделения кластеров риск болезней системы кровообращения и инсульта ассоциирован с мягким, связанным с возрастом диабетом [45]. Стратификация неоднородной группы больных СД может быть использована для выделения когорты наибольшего риска, требующей дополнительных мониторинговых ме-

роприятий и лекарственных интервенций с целью профилактики НМК.

Среди пациентов с ИИ больные с СД составляют от 33%. Эти пациенты несколько моложе и имеют больше сопутствующих заболеваний [44, 45]. Даже при контроле всех факторов риск инсульта у больных СД увеличивается на 22% в возрасте до 55 лет; увеличение числа факторов риска вне целевого диапазона повышает вероятность инсульта, максимально у лиц моложе 55 лет – в 6,23 раза. Наиболее значимыми предикторами инсульта являются повышенный уровень гликированного гемоглобина (HbA_{1c}) и систолического артериального давления, большая длительность СД, низкая физическая активность и фибрилляция предсердий. Повышение уровня HbA_{1c} – наиболее сильный предиктор инсульта [46]. Частота постинсультных КН у больных с СД2 повышается в 5,8 раза (OR = 5,83 (2,07–16,41)) [47]. Отмечается повышение вероятности развития повторного НМК на фоне сопутствующего СД (OR = 1,50 (1,36–1,65)) [48]. Вероятность повторных событий одинаково высока для предиабета и СД, что указывает на вовлечение в сосудистые процессы уже на ранних стадиях нарушения обмена углеводов [49].

Наличие СД оказывает влияние не только на риск, но и на течение и исход НМК. В ходе работ, проведённых в РЦНН, у лиц с СД по сравнению с пациентами без СД подтверждены значимо худшие результаты госпитального периода инсульта (оценки по шкале инсульта Национального института здоровья – 6 (4–10) vs 4 (1–8); $p = 0,03$; чаще отмечены отсутствие улучшения и нарастание неврологического дефицита (21,6 vs 7%; $p = 0,02$) и незначительное улучшение (13,7 vs 4,7%; $p = 0,004$). Результат восстановления функциональной независимости был также хуже при наличии СД2 (по модифицированной шкале Ренкина – 3 (1–4) vs 2 (0–3) балла; $p = 0,02$), а доля пациентов, достигших результата 0–2 баллов, на фоне СД2 была меньше (46 vs 72%), что подчёркивает социальную значимость метаболической коморбидности в проблеме НМК [34, 50].

Согласно нашим данным, развитие острых НМК у больных СД2 сопровождается гипергликемией (9,1 (7,1–12,0) ммоль/л), повышением уровня HbA_{1c} (7,8 (6,8–9,6)%), причём значения 8% и более выявлены у 34% пациентов, что свидетельствует о роли неудовлетворительного гликемического контроля в генезе сосудистой патологии мозга и подтверждает значимость и важность его коррекции в превентивных целях [51].

Продемонстрировано негативное влияние не только гипер-, но и гипогликемии, накопления конечных продуктов гликирования (КПГ) на прогноз и восстановление больных с НМК. Показано, что такие параметры, как длительность заболевания СД, уровень HbA_{1c} и гликемии статистически значимы для формирования большей инвалидизации. Вероятность неблагоприятного исхода НМК ($mRs \leq 3$) увеличивалась при значениях $HbA_{1c} \geq 7$, что подтверждает целесообразность достижения целей гликемического контроля. Разработан алгоритм оценки углеводного обмена и формирования прогноза у больных в острейшем периоде инсульта [32, 50].

² IDF Diabetes Atlas 2025. URL: <https://diabetesatlas.org/resources/idf-diabetes-atlas-2025/>

Метаболические расстройства оказывают влияние на КН. Выделяют группы факторов риска КН при СД, в том числе генетические:

- классические (старший возраст, низкий уровень образования, депрессия, малоподвижный образ жизни, курение, семейный анамнез);
- ассоциированные с диабетом (гипо- и гипергликемия, гиперинсулинемия, ретинопатия, нефропатия, большая длительность СД);
- сосудистые (АГ, дислипидемия, НМК, ишемическая болезнь сердца, атеросклеротическое заболевание нижних конечностей);
- генетические (аллель E4 ApoE, генотипа гаптоглобина-1-1 и генотип рецептора конечных продуктов гликирования Gly/Ser) [52].

Проведённое нами исследование обнаружило паттерн изменений при сосудистой патологии мозга и СД2, который проявляется одновременным нарушением углеводного обмена и нейрокогнитивной дисфункцией, сопровождающейся нейрофизиологическими и нейровизуализационными изменениями. Подобная коморбидность характеризуется не только расстройствами памяти и внимания, но и значительным нарушением управляющих функций мозга, а регуляторная недостаточность проявляется в первую очередь инертностью психических процессов, расстройствами эмоционально-волевой сферы. Качество гликемического контроля оказывает влияние на результаты оценки когнитивных функций. Обнаружена не только взаимосвязь клинических, нейрофизиологических и метаболических характеристик, но и возможность диагностики субклинических проявлений нарушения функциональной активности ЦНС у больных хроническими сосудистыми заболеваниями головного мозга на фоне СД. Особую значимость раннему выявлению и терапии КН у данной категории больных придаёт тот факт, что СД, как никакое другое заболевание, требует от пациента активного участия в контроле и лечении [53].

Вопросы приверженности лечению важны для достижения клинического результата, особенно у пациентов, страдающих хроническими заболеваниями. Пациенты с цереброметаболическими проблемами продемонстрировали неполную или малую приверженность в разных аспектах терапевтического воздействия. Так, отмечена низкая приверженность терапии у 10,3% больных без СД и у 34,4% при наличии СД2 ($p = 0,001$). Параметры ожирения, определяемые не только по ИМТ, но и по окружности талии, имели значимую обратную связь с приверженностью модификации образа жизни и общей приверженностью лечению. Согласно разработанной модели определения низкого комплаенса, при одновременном наличии СД2 и АГ следует ожидать снижение приверженности медицинскому сопровождению более чем у 20% пациентов. Обнаружена мультифакториальная взаимосвязь аспектов приверженности лечению с клиническим течением сосудистого заболевания, наличием маркеров риска метаболических девиаций, приводящая к формированию «порочного круга»: неудовлетворительный метаболический контроль → ЦВЗ → КН → низкая приверженность [54].

В аспекте возраст-зависимой патологии головного мозга следует подчеркнуть, что СД является моделью ускоренного церебрального старения, что ещё больше повышает риск развития связанных с возрастом дегенеративных и сосудистых заболеваний нервной системы. Одним из суррогатных биомаркеров старения может служить разница в возрасте белого вещества головного мозга, которая представляет собой дельту между результатом инструментальной оценки возраста белого вещества (на основе диффузионно-взвешенных МРТ-изображений) и хронологическим возрастом. Среди всех факторов риска наиболее сильно связан с увеличением такой разницы СД2 (1,39 года; $p < 0,001$), за которым следуют АГ и курение. Наличие СД2 может ассоциироваться с диффузной атрофией головного мозга, а также изменением функциональной коннективности и снижением перфузии головного мозга.

Атеросклероз церебральных артерий является ведущим процессом в спектре подтипов сосудистой патологии мозга. Результаты серии исследований, проведённых в РЦНН, подтвердили большую частоту прогрессирования атеросклероза церебральных сосудов при наличии СД2. Так, ультразвуковая оценка брахиоцефальных артерий обнаружила, что распространённость процесса с вовлечением различных бассейнов выражена больше у пациентов с комбинированными цереброметаболическими нарушениями [35]. Прогрессирование атеросклероза в системе внутренней сонной артерии сопряжено также с выраженными изменениями биомаркеров воспалительной реакции сосудистой стенки и неангиогенеза – липопротеин-ассоциированной фосфолипазы A2 (Lp-PLA2), фактора некроза опухоли- α и фактора роста эндотелия сосудов, более высокими значениями гликемии. В свою очередь, прогрессирование атеросклеротического поражения каротидной системы в 50% случаев сопровождалось появлением новой или ухудшением имеющейся неврологической симптоматики [36].

При метаболических расстройствах регистрируется агрессивный атеросклеротический процесс, что отражается в превалирующей частоте атеротромботических подтипов НМК и выявлении стенозов церебральных артерий высокой градации. Одновременная оценка состояния углеводного и липидного обмена с вычислением индекса «триглицериды–глюкоза» у больных с острыми и хроническими формами НМК позволила не только выявить низкую чувствительность к инсулину у этой категории больных, но и показала значимость глюкозотоксичности в формировании гемодинамически значимых стенозов, развитии и прогнозе ЦВЗ [35, 37, 50]. В проспективном исследовании у больных сосудистыми заболеваниями мозга с проведением фокусированного анализа случаев со стенозом более 50% одной из внутренних сонных артерий обнаружено, что наличие метаболического синдрома чаще ассоциировалось с развитием стенозов высокой степени (70–99%). У больных с СД2 и симптомными стенозами в 87,5% случаев отмечалось наличие стенозов высокой степени. По ультразвуковым характеристикам у пациентов, коморбидных по СД2, преобладали гиперэхогенные атеросклеротические бляшки, в том числе с участками кальциноза.

Цикл исследований по церебральному атеросклерозу позволил предложить модель биомаркерной оценки атерогенного потенциала у пациентов с ишемическими НМК и коморбидным СД2, включающую маркеры липидного спектра, дисфункции эндотелия, воспаления, гемостазиологические параметры и адипокины. К проатерогенным показателям отнесены уровни высокочувствительной гиператерогенной малой плотной субъединицы липопротеинов низкой плотности, общего холестерина, ингибитора активатора плазминогена 1-го типа, NO_2^- , NO_3^- , эндотелина-1, моноцитарного хемоаттрактантного белка-1, фактора роста эндотелия сосудов А, тромбоцитарного фактора роста ВВ, фактора некроза опухоли- α , интерлейкина (ИЛ)-1 β , С-реактивного белка, ИЛ-6. Категорию антиатерогенных факторов составили липопротеин (а), липопротеины высокой плотности, NO, тканевый активатор плазминогена, адипонектин. Эта технология определения прогрессирования церебрального атеросклероза на основе изучения биомаркеров атерогенеза используется для оптимизации диагностических подходов и тактики терапии пациентов с цереброметаболическими нарушениями [55, 56]. Продолжается поиск новых биомаркеров в условиях эпидемического роста метаболических болезней, который направлен на стратификацию больных высокого риска и имеет клинический потенциал.

Важным подтверждением неблагоприятного влияния сопутствующих метаболических факторов на течение и прогрессирование церебрального атеросклероза явились морфологические исследования биоптатов атеросклеротических бляшек, изъятых во время профилактической каротидной эндартерэктомии. При морфологическом исследовании чаще выявляются критический атеросклероз, активное течение атеросклероза, преобладание больших очагов атероматоза и количества липофагов в составе атеросклеротической бляшки, явления очагового фиброза с кальцинозом в средней оболочке артерий [57].

Механизмы развития цереброметаболических расстройств

Одновременный эпидемический рост распространённости метаболических нарушений, заболеваемости ожирением и СД неизбежно негативно влияют на результат усилий мирового сообщества по борьбе с сосудистой патологией мозга.

Современные знания позволяют рассматривать мозг как многофункциональный эндокринный орган, который осуществляет регуляцию нервных и эндокринных процессов, обеспечивая развитие и координацию систем организма. Ожирение представляет собой комплекс первично адаптивных, а по мере прогрессирования болезни – патологических изменений, запускаемых нарушением каскада сигналов в условиях избыточной энергетической ценности поступающей пищи. Важная роль отводится инсулину. Церебральный инсулиновый сигналинг участвует в сложном межорганном перекрёстном взаимодействии, организуя распределение питательных веществ путём регуляции аппетита, липолиза, секреции и поглощения триглицеридов, метаболизма аминокислот, термогенеза и выработки глюкозы в печени. В конечном итоге это за-

щищает организм от эктопического отложения липидов, липотоксичности и гипергликемии [58–60].

Профилактика гипогликемии является ключом к выживанию. Резистентность мозга к инсулину можно понимать как физиологическую адаптацию для поддержания эугликемии путём увеличения липолиза и увеличения выработки глюкозы печенью – процесса, критически важного для выживания в условиях дефицита питательных веществ. Переедание быстро вызывает резистентность мозга к инсулину, которая выступает в качестве ключевого актора метаболических заболеваний и СД2 [60].

Инсулинорезистентность, хроническая гипергликемия и дислипидемия запускают каскад изменений, включая образование атерогенных липопротеинов низкой плотности, КПГ и активацию провоспалительных сигналов, которые воздействуют на артериальную стенку, провоцируя и потенцируя атеросклеротическое поражение. Многочисленные компоненты, характеризующие метаболическое нездоровье, приводят к широкому спектру последствий, включая нарушение гематоэнцефалического барьера, нейровоспаление, сосудистую патологию, нейродегенерацию и КН [61, 62]. Повреждение мозга ассоциировано с процессом воспаления, в том числе в рамках метавоспаления – хронического системного нарушения, вызванного ожирением. Этот путь является основным патофизиологическим механизмом, ведущим к возникновению, прогрессированию и тромботическим осложнениям атеросклероза и сосудистых расстройств [63]. При метавоспалении внешние или эндогенные факторы могут действовать, стимулируя мембранные или цитоплазматические рецепторы моноцитов, макрофагов, нейтрофилов или дендритных клеток. Они могут вызывать олигомеризацию инфламмасом и активировать макромолекулу NLRP3 [64]. ИЛ-1 β и ИЛ-18, генерируемые активацией NLRP3-каспазы, входят в петлю самоусиления и также вызывают генерацию ИЛ-6 макрофагами. ИЛ-6 стимулирует гепатоциты к выработке С-реактивного белка, фибриногена и ингибитора активатора плазминогена, высвобождая их системно и опосредуя склонность к тромбозу. ИЛ-6 напрямую потенцирует другой протромботический путь, опосредованный мембранным рецептором JAK1/TYK2, что приводит к тромбоцитозу и прокоагулянтным изменениям [65].

Основная нагрузка функционирования системы гемостаза приходится на микрососудистое русло, в том числе в сосудах головного мозга. Важная роль протромботических изменений в развитии сосудистой патологии мозга продемонстрирована в фундаментальных работах РЦНН [66–71]. На фоне сопутствующего метаболического синдрома у больных с острыми и хроническими НМК отмечаются значимые нарушения в тромбоцитарном и плазменном звеньях гемостаза, изменения микрореологических характеристик крови как исходно, так и в динамике заболевания, повышенные значения вязкости крови, фибриногена, гематокрита, агрегационной активности тромбоцитов и ухудшение деформируемости эритроцитов [31, 72].

Важный вклад в вышеуказанные изменения гемореологии и гемостаза вносит гипергликемия [73, 74]. Повыше-

ние образования КПГ сопровождается активацией тромбитарного звена гемостаза, угнетением фибринолиза и способствует формированию протромбогенного потенциала крови. Уровни КПГ ассоциированы с агрегацией тромбоцитов с АДФ ($r = 0,418$) и отрицательно связаны с фибринолитической активностью ($r = -0,427$) и индексом фибринолиза ($r = -0,360$) [73].

Нами подтверждена значимость избыточного интраабдоминального отложения жира, которая патогенетически связана с метавоспалением, в формировании изменений системы гемореологии и гемостаза у больных с сосудистой патологией мозга. Увеличение объёма висцерального жира не только оказывает негативное влияние на метаболические показатели, но и сопровождается протромбогенными изменениями крови. Площадь висцерального жира взаимосвязана с уровнем фибриногена ($r = 0,830$), фактора фон Виллебранда ($r = 0,250$), фактора свёртывания крови VIII ($r = 0,321$), агрегацией тромбоцитов под влиянием адреналина ($r = 0,780$), протеина S ($r = 0,532$); отмечена обратная взаимосвязь с уровнем тканевого активатора плазминогена ($r = -0,370$) и соотношением тканевый активатор плазминогена/ингибитор тканевого активатора плазминогена ($r = -0,3$). Полученные данные об изменениях в системе гемореологии и гемостаза при ЦВЗ во взаимосвязи с изменениями состава тела свидетельствуют о значении абдоминального ожирения в формировании протромботических и прокоагулянтных изменений у больных с ЦВЗ [26]. Обнаруженные взаимосвязи между параметрами гемостаза и характеристиками жировой ткани раскрывают механизмы реализации факторов риска в развитии сосудистой патологии головного мозга.

Функциональные и структурные церебральные нарушения в условиях метаболической нагрузки

В условиях, когда повреждающие стимулы являются хроническими, как это происходит при ожирении, метаболическом синдроме и СД2, наблюдается персистирующий репаративный процесс с ремоделированием. Мозг подвергается астроглиозу [61]. Метаболическое нейровоспаление – хроническое асептическое воспаление, характеризующееся системными изменениями, связанными с повышением уровня провоспалительных цитокинов (ИЛ-1 β и ИЛ-18), активацией микроглии, а также изменением регуляции образования инфламасомы NLRP3 [75]. Гипоталамическое нейровоспаление, вызывающее глиоз и нейрональную смерть [75], может быть основано в том числе на эффектах лептина и инсулина, а также факторов, которые могут действовать через систему проопиомеланокортина [76]. В свою очередь, гипоталамическое нейровоспаление модулирует контроль над чувством сытости, тем самым способствуя развитию ожирения [77], формируя замкнутый круг церебральных и метаболических нарушений. При длительно текущем нейровоспалении нарушаются существующие защитные барьеры, что приводит к развитию нейродегенеративных изменений. Люди с ожирением подвержены большому риску КН, сосудистой деменции, болезни Альцгеймера, а также болезней Паркинсона и Гентингтона [78].

Результаты проведённых в РЦНН исследований свидетельствуют о негативном влиянии хронической гипергликемии на состояние белого вещества полушарий большого мозга, что реализуется через механизмы непосредственного повреждения вещества мозга и сосудов микроциркуляторного русла [79]. Определён вклад инсулинорезистентности и глюкозолипотоксичности в клиническую манифестацию структурных изменений головного мозга при хронических НМК и сформировано представление о неблагоприятном цереброметаболическом статусе, который включает клинические, нейровизуализационные и лабораторные характеристики пациентов.

Цереброметаболическое здоровье

В ходе комплекса исследований, основанных суммарно на более чем 5500 наблюдений пациентов с сосудистой патологией мозга, были подробно изучены её различные аспекты в контексте метаболических нарушений. Обнаружены и изучены взаимосвязи ожирения, СД2, метаболического синдрома с церебральным макро- и микрососудистым повреждением, протромботическими изменениями, клиническим течением и прогнозом острых и хронических НМК, определён комплекс биомаркеров сосудистого и церебрального повреждения. Анализ состояния нейронауки и результатов собственных исследований позволил синтезировать единый концептуальный подход к проблеме цереброметаболического здоровья.

Концепция **цереброметаболического здоровья** ключевым положением определяет центральную роль **головного мозга** в управлении обменными процессами, а также наличие механизмов регуляции деятельности церебральных структур со стороны метаболически активных систем организма с помощью вегетативных и гуморальных сигналов. Функционирование головного мозга неразрывно сопряжено с метаболизмом, сигнальные пути, связанные с поступлением и аккумуляцией энергетических субстратов, оказывают воздействие на нервную и сосудистую системы, а механизмы возникновения метаболических и неврологических расстройств тесно переплетены.

При цереброметаболических расстройствах развитие и прогрессирование поражений головного мозга связано с вовлечением сосудов различного диаметра, изменениями системы гемореологии и гемостаза, мета- и нейровоспалением, нейродегенерацией, которые ассоциированы с избыточным адипогенезом, дислипидемией, дисгликемией и нарушением проницаемости гематоэнцефалического и гематоневрального барьеров, что результирует развитием ЦВЗ, церебральной микроангиопатии и КН с возможным вовлечением периферической нервной системы.

Сформировано представление о двунаправленной связи между церебральными и метаболическими нарушениями. Таким образом, вместо того, чтобы рассматривать сосудистую патологию мозга и метаболические заболевания как отдельные процессы, необходимо оценивать их взаимовлияние в рамках единой парадигмы. Разра-

ботка методов предотвращения и лечения сосудистой патологии мозга в современных условиях требует новой стратегической концепции сохранения цереброметаболического здоровья, в контексте которой рассматривается ассоциация метаболических нарушений и сосудистых заболеваний мозга. Значимость последствий нарушения цереброметаболического здоровья для медицины и общества требует комплексных стратегий как массовой, так и персонализированной профилактики на различных этапах жизни человека.

Понятие «нарушения цереброметаболического здоровья» определяет взаимодействие комплекса метаболических факторов риска, функциональных и органических изменений церебрального макро- и микрососудистого русла и структур головного мозга, что оказывает влияние на заболеваемость острыми и хроническими НМК и КН, определяет худшие исходы и смертность. Имплементация термина отражает прочную взаимосвязь механизмов развития метаболических и церебральных расстройств и служит корректировке как популяционных, так и пациент-ориентированных стратегий лечения заболеваний головного мозга, мер первичной и вторичной профилактики.

Расстройство цереброметаболического здоровья – прогрессирующее нарушение деятельности центральной нервной системы, инициируемое неблагоприятным средовым воздействием в условиях генетической предрасположенности, избыточного поступления энергетических субстратов и нарушения центральной регуляции энергетического баланса, что приводит к избыточному отложению жировой ткани с усилением системной и церебральной инсулинорезистентности, развитием нейровоспаления, а также окислительного стресса. Синергическое повреждающее воздействие метаболических факторов риска (АГ, дислипидемии и гипергликемии) имеет единый вектор и реализуется в поражении церебральных артерий разного диаметра совокупно с увеличением потенциала тромбообразования. Прогрессирование процесса приводит к развитию острых и хронических НМК, церебральной микроангиопатии, нейрокогнитивных расстройств и, в конечном

счёте, инвалидизации и/или гибели пациента. Концепция этапности нарушений цереброметаболического здоровья отражает стадийность патофизиологического процесса, прогрессивное прогрессирующее расстройство, приводящее к церебральной дисфункции, определяет важность и таргетность вмешательства на всех этапах для обеспечения мер профилактики и лечения сосудистых заболеваний головного мозга (рис. 1, табл. 1).

Понятие цереброметаболического здоровья служит целям формирования общей картины многообразия обменно-метаболических процессов, ассоциированных с патологией нервной системы. В первую очередь это ЦВЗ ввиду большей распространённости и тяжести последствий. Вместе с тем методологические преимущества подобного подхода – интегративный подход, мультидисциплинарность, диверсификация мер профилактики, этапность диагностики и персонализация терапии – не могут не затронуть и другие социально значимые расстройства (нейродегенеративные, демиелинизирующие, аутоиммунные и др.) нервной системы.

Заключение

Синдrome ожирения и СД лежит в основе прогрессирующего роста ЦВЗ, оказывая воздействие на основные механизмы патогенеза сосудистой патологии мозга. Отсутствием значимого успеха в профилактике спектра ЦВЗ на фоне агрессивного роста распространённости метаболических нарушений требует пересмотра подходов к проблеме на национальном уровне. Как стратегии высокого риска, так и общепопуляционные стратегии профилактической медицины должны дополнять друг друга [80].

Перспективные направления изучения проблемы сохранения цереброметаболического здоровья:

- профилактика ЦВЗ у лиц с нарушениями углеводного, липидного обмена и гемостаза;
- мультисистемные взаимосвязи цереброметаболических расстройств и других эндокринных органов: эффекты оральных контрацептивов и менопаузальной гормональной терапии в развитии инсульта, гипогонадизма,

Рис. 1. Последовательность развития цереброметаболических нарушений.

Таблица 1. Стадии цереброметаболических нарушений

Стадия	Описание	Характеристика
Стадия 0	Нет метаболических расстройств и клинических проявлений ЦВЗ	Отсутствие факторов риска: <ul style="list-style-type: none"> • нормальная окружность талии (с учётом расы, пола); • ИМТ < 25 кг/м²; • отсутствие нарушений углеводного обмена (отсутствие СД или предиабета); • отсутствие дислипидемии; • отсутствие АГ
Стадия 1	Стадия факторов риска ЦВЗ	Стадия метаболически нездорового ожирения — ожирение + факторы риска: <ul style="list-style-type: none"> • абдоминальное ожирение: окружность талии ≥ 88/102 см у женщин/мужчин (для азиатов ≥ 80/90 см у женщин/мужчин) плюс 2 или более критерия: <ul style="list-style-type: none"> - АГ; - инсулинорезистентность; - гиперхолестеринемия; - гипертриглицеридемия; - гипергликемия: СД или предиабет (нарушенная гликемия натощак/нарушенная толерантность к глюкозе)
Стадия 2	Стадия макро- и микроангиопатии	Атеросклероз брахиоцефальных артерий, интракраниальный атеросклероз, церебральная микроангиопатия, изменения системы гемореологии и гемостаза
Стадия 3	Манифестное ЦВЗ	Острые НМК, хронические ЦВЗ, КН

заболевания щитовидной железы, изменения регуляции оси гипоталамус–гипофиз–надпочечники и др.);

- поиск мер, направленных на сохранение когнитивного здоровья (исследования инновационных препаратов с предполагаемым метаболическим и нейропротективным вектором влияния).

Пути преодоления объективной сложности проблемы цереброметаболических нарушений:

- разработка алгоритмов мультидисциплинарного взаимодействия в борьбе за сохранение цереброметаболического здоровья в российской популяции;

- поиск инновационных подходов к церебропротекции с учётом знаний в области метаболизма мозга, в том числе с помощью искусственного интеллекта, нейромодуляции и других инновационных технологий.

Проблема сохранения цереброметаболического здоровья и полноценной жизни членов общества приобретает популяционный характер, что детерминирует необходимость интеграции в стратегии популяционных и персонализированных мер предотвращения и лечения заболеваний головного мозга.

Список источников | References

1. GBD 2021 Stroke Risk Factor Collaborators. Global, regional, and national burden of stroke and its risk factors, 1990-2021: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2021. *Lancet Neurol.* 2024;23(10):973–1003. doi: 10.1016/S1474-4422(24)00369-7
2. GBD 2016 Dementia Collaborators. Global, regional, and national burden of Alzheimer's disease and other dementias, 1990-2016: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2016. *Lancet Neurol.* 2019;18(1):88–106. doi: 10.1016/S1474-4422(18)30403-4
3. Li X, Feng X, Sun X, Hou N, et al. Global, regional, and national burden of Alzheimer's disease and other dementias, 1990–2019. *Front Aging Neurosci.* 2022;14:937486. doi: 10.3389/fnagi.2022.937486
4. Zhang H, Zhou XD, Shapiro MD, et al. Global burden of metabolic diseases, 1990-2021. *Metabolism.* 2024;160:155999. doi: 10.1016/j.metabol.2024.155999
5. GBD 2019 Dementia Forecasting Collaborators. Estimation of the global prevalence of dementia in 2019 and forecasted prevalence in 2050: an analysis for the Global Burden of Disease Study 2019. *Lancet Public Health.* 2022;7(2):e105–e125. doi: 10.1016/S2468-2667(21)00249-8
6. Chew NWS, Ng CH, Tan DJH, et al. The global burden of metabolic disease: Data from 2000 to 2019. *Cell Metab.* 2023;35(3):414.e3–428.e3. doi: 10.1016/j.cmet.2023.02.003
7. Chong B, Kong G, Shankar K, et al. The global syndemic of metabolic diseases in the young adult population: a consortium of trends and projections from the Global Burden of Disease 2000–2019. *Metabolism.* 2023;141:155402. doi: 10.1016/j.metabol.2023
8. Jin Y, Liang J, Hong C, et al. Cardiometabolic multimorbidity, lifestyle behaviours, and cognitive function: a multicohort study. *Lancet Healthy Longev.* 2023;4(6):e265–e273. doi: 10.1016/S2666-7568(23)00054-5
9. GBD 2021 Risk Factors Collaborators. Global burden and strength of evidence for 88 risk factors in 204 countries and 811 subnational locations, 1990–2021: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2021. *Lancet.* 2024; 403(10440):2162–2203. doi: 10.1016/S0140-6736(24)00933-4
10. Swinburn BA, Kraak VI, Allender S, et al. The global syndemic of obesity, undernutrition, and climate change: the Lancet Commission report. *Lancet.* 2019;393(10173):791–846. doi: 10.1016/S0140-6736(18)32822-8
11. GBD 2021 Diabetes Collaborators. Global, regional, and national burden of diabetes from 1990 to 2021, with projections of prevalence to 2050: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2021. *Lancet.* 2023;402(10397):203–234. doi: 10.1016/S0140-6736(23)01301-6
12. Mills KT, Bundy JD, Kelly TN, et al. Global disparities of hypertension prevalence and control: a systematic analysis of population-based studies from 90 countries. *Circulation.* 2016; 134(6):441–450. doi: 10.1161/CIRCULATIONAHA.115.018912
13. Cariou B, Byrne CD, Loomba R, Sanyal AJ. Nonalcoholic fatty liver disease as a metabolic disease in humans: A literature review. *Diabetes Obes Metab.* 2021;23(5):1069–1083. doi: 10.1111/dom.14322

14. Алфёрова В.И., Мустафина С.В. Распространенность ожирения во взрослой популяции Российской Федерации (обзор литературы). *Ожирение и метаболизм*. 2022;19(1):96–105. Alferova VI, Mustafina SV. The prevalence of obesity in the adult population of the Russian Federation (literature review). *Obesity and metabolism*. 2022;19(1):96–105. doi: 10.14341/omet12809
15. Гнедовская Е.В., Кравченко М.А., Прокопович М.Е. и др. Распространенность факторов риска цереброваскулярных заболеваний у жителей мегаполиса в возрасте 40–59 лет (клинико-эпидемиологическое исследование). *Анналы клинической и экспериментальной неврологии*. 2016;10(4):11–19. Gnedovskaya EV, Kravchenko MA, Prokopovich ME, et al. Prevalence of the risk factors of cerebrovascular disorders in the capital city residents aged 40–59: a clinical and epidemiological study. *Annals of Clinical and Experimental Neurology*. 2016;10(4):11–19. doi: 10.17816/psaic13
16. Shiozawa M, Kaneko H, Itoh H, et al. Association of body mass index with ischemic and hemorrhagic stroke. *Nutrients*. 2021;13(7):2343. doi: 10.3390/nu13072343
17. Marini S, Merino J, Montgomery BE, et al. Mendelian randomization study of obesity and cerebrovascular disease. *Ann Neurol*. 2020. 87(4):516–524. doi: 10.1002/ana.25686
18. Letra L, Sena C. Cerebrovascular disease: consequences of obesity-induced endothelial dysfunction. *Adv Neurobiol*. 2017;19:163–189. doi: 10.1007/978-3-319-63260-5_7
19. Huang K, Liu F, Han X, et al. Association of BMI with total mortality and recurrent stroke among stroke patients: A meta-analysis of cohort studies. *Atherosclerosis*. 2016;253:94–101. doi: 10.1016/j.atherosclerosis.2016.08.042
20. Wang Z, Wang J, Wang J, et al. The obesity paradox in intracerebral hemorrhage: a systematic review and meta-analysis. *Front Endocrinol (Lausanne)*. 2023;14:1255538. doi: 10.3389/fendo.2023.1255538
21. Lee SH, Jung JM, Park MH. Obesity paradox and stroke outcomes according to stroke subtype: a propensity score-matched analysis. *Int J Obes (Lond)*. 2023;47(8):669–676. doi: 10.1038/s41366-023-01318-0
22. Padwal R, Leslie WD, Lix LM, Majumdar SR. Relationship among body fat percentage, body mass index, and all-cause mortality: a cohort study. *Ann Intern Med*. 2016;164(8):532–541. doi: 10.7326/M15-1181
23. Anand SS, Friedrich MG, Lee DS, et al. Evaluation of adiposity and cognitive function in adults. *JAMA Netw Open*. 2022;5(2):e2146324. doi: 10.1001/jamanetworkopen.2021.46324
24. Ishida A, Nakanishi R, Miyagi T, et al. Association of obesity and metabolic health status with cerebral small-vessel disease in stroke-free individuals. *J Atheroscler Thromb*. 2025;32. doi: 10.5551/jat.65649
25. Hebebrand J, Holm JC, Woodward E, et al. A proposal of the European Association for the Study of Obesity to improve the ICD-11 diagnostic criteria for obesity based on the three dimensions etiology, degree of adiposity and health risk. *Obes Facts*. 2017;10(4):284–307. doi: 10.1159/000479208
26. Танашян М.М., Антонова К.В., Лагода О.В. и др. Ожирение и протромботическое состояние крови у пациентов с цереброваскулярными заболеваниями. *Тромбоз, гемостаз и реология*. 2023;(3):53–62. Tanashyan MM, Antonova KV, Lagoda OV, et al. Obesity and prothrombotic state in patients with cerebrovascular diseases. *Thrombosis, Hemostasis and Rheology*. 2023;(3):53–62. doi: 10.25555/THR.2023.3.1069
27. Mottillo S, Filion KB, Genest J, et al. The metabolic syndrome and cardiovascular risk: a systematic review and meta-analysis. *J Am Coll Cardiol*. 2010;56(14):1113–1132. doi: 10.1016/j.jacc.2010.05.034
28. Zhang F, Liu L, Zhang C, Ji S, Mei Z, Li T. Association of metabolic syndrome and its components with risk of stroke recurrence and mortality: a meta-analysis. *Neurology*. 2021;97(7):e695–e705. doi: 10.1212/WNL.00000000000012415
29. Liu Q, Wu S, Shao J, et al. Metabolic syndrome parameters' variability and stroke incidence in hypertensive patients: evidence from a functional community cohort. *Cardiovasc Diabetol*. 2024;23(1):203. doi: 10.1186/s12933-024-02282-3
30. Atti AR, Valente S, Iodice A, et al. Metabolic syndrome, mild cognitive impairment, and dementia: a meta-analysis of longitudinal studies. *Am J Geriatr Psychiatry*. 2019;27(6):625–637. doi: 10.1016/j.jagp.2019.01.214
31. Танашян М.М., Орлов С.В., Домашенко М.А., Ионова В.Г. Метаболический синдром и ишемический инсульт. *Анналы клинической и экспериментальной неврологии*. 2007;1(3):5–11. Tanashyan MM, Orlov SV, Domashenko MA, Ionova VG. Metabolic syndrome and ischemic stroke. *Annals of Clinical and Experimental Neurology*. 2007;1(3):5–11. doi: 10.17816/psaic432
32. Танашян М.М., Антонова К.В., Лагода О.В. и др. Острые нарушения мозгового кровообращения и сахарный диабет 2 типа. *Анналы клинической и экспериментальной неврологии*. 2014;8(3):4–8. Tanashyan MM, Antonova KV, Lagoda O.V., et al. Acute stroke and type 2 diabetes. *Annals of Clinical and Experimental Neurology*. 2014;8(3):4–8. doi: 10.17816/psaic178
33. Танашян М.М., Лагода О.В., Орлов С.В. и др. Сосудистые заболевания головного мозга и метаболический синдром. *Терапевтический архив*. 2013;85(10):34–42. Tanashyan MM, Lagoda OV, Orlov SV, et al. Cerebrovascular diseases and metabolic syndrome. *Therapeutic Archive*. 2013;85(10):34–42.
34. Антонова К.В., Танашян М.М., Романцова Т.И., Максимова М.Ю. Острые нарушения мозгового кровообращения: клиническое течение и прогноз у больных сахарным диабетом 2 типа. *Ожирение и метаболизм*. 2016;13(2):20–24. Antonova KV, Tanashyan MM, Romantsova TI, Maksimova MY. Type 2 diabetes mellitus and the clinical course of acute stroke. *Obesity and metabolism*. 2016;13(2):20–24. doi: 10.14341/omet2016220-24
35. Антонова К.В., Медведев Р.Б., Шабалина А.А. и др. Нарушения углеводного обмена и церебральный атеросклероз у больных с ишемическими нарушениями мозгового кровообращения. *Анналы клинической и экспериментальной неврологии*. 2016;10(1):20–26. Antonova KV, Medvedev RB, Shabalina AA, et al. Carbohydrate metabolism disorders and cerebral atherosclerosis in patients with ischemic cerebrovascular diseases. *Annals of Clinical and Experimental Neurology*. 2016;10(1):20–26. doi: 10.17816/psaic74
36. Танашян М.М., Лагода О.В., Гулевская Т.С. и др. Прогрессирующий церебральный атеросклероз: клинические, биохимические и морфологические аспекты. *Анналы клинической и экспериментальной неврологии*. 2013;7(4):4–9. doi: 10.17816/psaic224. Tanashyan MM, Lagoda OV, Gulevskaya TS et al. Progressing cerebral atherosclerosis: clinical, biochemical and morphological aspects. *Annals of Clinical and Experimental Neurology*. 2013;7(4):4–9. doi: 10.17816/psaic224
37. Танашян М.М., Антонова К.В., Раскуражев А.А. и др. Цереброваскулярные заболевания и глюколипотоксичность. *Анналы клинической и экспериментальной неврологии*. 2020;14(1):17–24. Tanashyan MM, Antonova KV, Raskurazhev AA, et al. Cerebrovascular disorders and glucolipotoxicity. *Annals of Clinical and Experimental Neurology*. 2020;14(1):17–24. doi: 10.25692/ACEN.2020.1.2
38. Танашян М.М., Щепанкевич Л.А., Орлов С.В. и др. Гемореология и гемостаз у больных с ишемическим инсультом на фоне сахарного диабета 2 типа и метаболического синдрома. *Анналы клинической и экспериментальной неврологии*. 2014;8(3):14–20. Tanashyan MM, Shchepankevich LA, Orlov SV, et al. Hemorheology and hemostasis in stroke patients with type 2 diabetes and metabolic syndrome. *Annals of Clinical and Experimental Neurology*. 2014;8(3):14–20. doi: 10.17816/psaic176
39. The Lancet. Diabetes: a defining disease of the 21st century. *Lancet*. 2023;401(10394):2087. doi: 10.1016/S0140-6736(23)01296-5
40. Деев И.А., Кобыякова О.С., Стародубов В.И. и др. Заболеваемость всего населения России в 2023 году: статистические материалы. М.; 2024. Deev IA, Kobayakova OS, Starodubov VI, et al. Morbidity of the entire population of Russia in 2023: statistical materials. Moscow; 2024. doi: 10.21045/978-5-94116-160-7-2024 (In Russ.)
41. Дедов И.И., Шестакова М.В., Викулова О.К. и др. Эпидемиология и ключевые клинико-терапевтические показатели сахарного диабета в Российской Федерации в разрезе стратегических целей Всемирной организации здравоохранения. *Сахарный диабет*. 2025;28(1):4–17. Dedov II, Shestakova MV, Vikulova OK, et al. Epidemiology and key clinical and therapeutic indicators of diabetes mellitus in Russian Federation according to the World Health Organization's strategy goals. *Diabetes mellitus*. 2025;28(1):4–17. doi: 10.14341/DM13292
42. Mosenzon O, Cheng AY, Rabinstein AA, Sacco S. Diabetes and stroke: what are the connections? *J Stroke*. 2023;25(1):26–38. doi: 10.5853/jos.2022.02306
43. Дедов И.И., Шестакова М.В. Сахарный диабет: «история болезни». Сквозь призму научных открытий. М.; 2025;1.

- Dedov II, Shestakova MV. Diabetes mellitus: "case history". Through the prism of scientific discoveries. Moscow; 2025;1. (In Russ.)
44. Lau LH, Lew J, Borschmann K., et al. Prevalence of diabetes and its effects on stroke outcomes: a meta-analysis and literature review. *J Diabetes Investig.* 2019;10(3):780–792. doi: 10.1111/jdi.12932
  45. Echouffo-Tcheugui JB, Xu H, Matsouaka RA, et al. Diabetes and long-term outcomes of ischaemic stroke: findings from get with the guidelines-stroke. *Eur Heart J.* 2018;39(25):2376–2386. doi: 10.1093/eurheartj/ehy036
  46. Rawshani A, Rawshani A, Franzén S, et al. Risk factors, mortality, and cardiovascular outcomes in patients with type 2 diabetes. *N Engl J Med.* 2018;379(7):633–644. doi: 10.1056/NEJMoa1800256
  47. Ding MY, Xu Y, Wang YZ, et al. Predictors of cognitive impairment after stroke: a prospective stroke cohort study. *J Alzheimers Dis.* 2019;71(4):1139–1151. doi: 10.3233/JAD-190382
  48. Zhang L, Li X, Wolfe CDA, et al. Diabetes as an independent risk factor for stroke recurrence in ischemic stroke patients: an updated meta-analysis. *Neuroepidemiology.* 2021;55(6):427–435. doi: 10.1159/000519327
  49. Kaynak N, Kennel V, Rackoll T, et al. Impaired glucose metabolism and the risk of vascular events and mortality after ischemic stroke: a systematic review and meta-analysis. *Cardiovasc Diabetol.* 2024;23(1):323. doi: 10.1186/s12933-024-02413-w
  50. Танашян М.М., Антонова К.В., Лагода О.В., Шабалина А.А. Решённые и нерешённые вопросы цереброваскулярной патологии при сахарном диабете. *Анналы клинической и экспериментальной неврологии.* 2021;15(3):5–14. Tanashyan MM, Antonova KV, Lagoda OV, Shabalina AA. Resolved and unresolved issues of cerebrovascular disease in diabetes mellitus. *Annals of Clinical and Experimental Neurology.* 2021;15(3):5–14. doi: 10.54101/ACEN.2021.3.1
  51. Антонова К.В., Танашян М.М., Раскуражев А.А. и др. Ожирение и нервная система. *Ожирение и метаболизм.* 2024;21(1):68–78. Antonova KV, Tanashyan MM, Raskurazhev AA, et al. Obesity and the nervous system. *Obesity and metabolism.* 2024;21(1):68–78. doi: 10.14341/omet13019
  52. Ehtewish H, Arredouani A, El-Agnaf O. Diagnostic, prognostic, and mechanistic biomarkers of diabetes mellitus-associated cognitive decline. *Int J Mol Sci.* 2022;23(11):6144. doi: 10.3390/ijms23116144
  53. Суркова Е.В., Майоров А.Ю., Мельникова О.Г. Сахарный диабет 2 типа. Руководство для пациентов. М.; 2021. Surkova EV, Majorov AY, Mel'nikova OG. Type 2 diabetes mellitus: a guide for patients. Moscow; 2021. doi: 10.33029/9704-6250-8-DMT2-2021-1-160 (In Russ.)
  54. Танашян М.М., Антонова К.В., Лагода О.В. и др. Приверженность лечению у пациентов с цереброваскулярными заболеваниями как мультифакторальная проблема. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика.* 2023;15(1):18–27. Tanashyan MM, Antonova KV, Lagoda OV, et al. Adherence to treatment in patients with cerebrovascular disease as a multifactorial problem. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics.* 2023;15(1):18–27. doi: 10.14412/2074-2711-2023-1-18-27
  55. Быковская М.А., Раскуражев А.А., Шабалина А.А. и др. Биомаркеры повреждения сосудистой стенки у пациентов с цереброваскулярными заболеваниями и сахарным диабетом 2-го типа. *Тромбоз, гемостаз и реология.* 2021;2:80–86. Bykovskaya MA, Raskurazhev AA, Shabalina AA, et al. Biomarkers of vascular wall damage in patients with cerebrovascular diseases and type 2 diabetes mellitus. *Thrombosis, hemostasis and rheology.* 2021;2:80–86. doi: 10.25555/THR.2021
  56. Tanashyan MM, Antonova KV, Shabalina AA, et al. Proatherogenic changes in the blood lipid profile in patients with cerebrovascular disease and type 2 diabetes. *Hum Physiol.* 2020;46(8):840–844. doi: 10.1134/S0362119720080125
  57. Ануфриев П.Л., Танашян М.М., Гулевская Т.С. и др. Особенности атеросклероза церебральных артерий и патоморфологии инфарктов головного мозга при сахарном диабете 2-го типа. *Анналы клинической и экспериментальной неврологии.* 2015;9(3):4–9. doi: 10.17816/psaic143 Anufriev PL, Tanashyan MM, Gulevskaya TS, et al. Features of atherosclerosis of the cerebral arteries and pathomorphology of cerebral infarctions in patients with type 2 diabetes mellitus. *Annals of Clinical and Experimental Neurology.* 2015;9(3):4–9. doi: 10.17816/psaic143
  58. Scherer T, Lindtner C, O'Hare J, et al. Insulin regulates hepatic triglyceride secretion and lipid content via signaling in the brain. *Diabetes.* 2016;65(6):1511–1520. doi: 10.2337/db15-1552
  59. Dodd GT, Decherf S, Loh K, et al. Leptin and insulin act on POMC neurons to promote the browning of white fat. *Cell.* 2015;160(1-2):88–104. doi: 10.1016/j.cell.2014.12.022
  60. Scherer T, Sakamoto K, Buettner C. Brain insulin signalling in metabolic homeostasis and disease. *Nat Rev Endocrinol.* 2021;17(8):468–483. doi: 10.1038/s41574-021-00498-x
  61. Hayden M.R. Brain injury: response to injury wound-healing mechanisms and enlarged perivascular spaces in obesity, metabolic syndrome, and type 2 diabetes mellitus. *Medicina.* 2023;59(7):1337. doi: 10.3390/medicina59071337
  62. Van Dyken P, Lacoste B. Impact of metabolic syndrome on neuroinflammation and the blood-brain barrier. *Front Neurosci.* 2018;12:930. doi: 10.3389/fnins.2018.00930
  63. Schleh MW, Caslin HL, Garcia JN, et al. Metaflammation in obesity and its therapeutic targeting. *Sci Transl Med.* 2023;15(723):eadf9382. doi: 10.1126/scitranslmed.adf9382
  64. Chen Y, Ye X, Escames G, et al. The NLRP3 inflammasome: contributions to inflammation-related diseases. *Cell Mol Biol Lett.* 2023;28(1):51. doi: 10.1186/s11658-023-00462-9
  65. Kotyla PJ, Engelmann M, Giemza-Stoklosa J, et al. Thromboembolic adverse drug reactions in janus kinase (jak) inhibitors: does the inhibitor specificity play a role? *Int. J. Mol. Sci.* 2021;22(5):2449. doi: 10.3390/ijms22052449
  66. Суслина З.А., Танашян М.М., Ерофеева А.В., Ионова В.Г. Особенности гемостатической активности и факторы церебральной эмболии при кардиоэмболическом инсульте. *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова.* 2003;103(9):138–138. Suslina ZA, Tanashyan MM, Erofeeva AV, Ionova VG. Features of hemostatic activity and factors of cerebral embolism in cardioembolic stroke. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry.* 2003;103(9):138–138. (In Russ.)
  67. Суслина З.А., Ерофеева А.В., Танашян М.М., Ионова В.Г. Ишемические инсульты: состояние гемостаза и факторы церебральной эмболии. *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова.* 2006;106(S16):3–9. Suslina ZA, Erofeeva AV, Tanashyan MM, Ionova VG. Ischemic stroke: hemostasis and factors of cerebral embolism. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry.* 2006;106(S16):3–9.
  68. Танашян М.М., Суслина З.А., Ионова В.Г. и др. Гемореология и гемостаз у больных с ишемическим инсультом при различной степени поражения магистральных артерий головы. *Неврологический журнал.* 2001;6(6):17–21. Tanashyan MM, Suslina ZA, Ionova VG, et al. Hemorheology and hemostasis in patients with ischemic stroke with varying degrees of damage to the main arteries of the head. *Neurological Journal.* 2001;6(6):17–21. (In Russ.)
  69. Танашян М.М., Суслина З.А., Ионова В.Г. Антиагрегационная активность сосудистой стенки в остром периоде ишемического инсульта. *Ангиология и сосудистая хирургия.* 2001;7(1):10–16. Tanashyan MM, Suslina ZA, Ionova VG. Antiaggregational activity of the vascular wall in the acute period of ischemic stroke. *Angiology and Vascular Surgery.* 2001;7(1):10–16. (In Russ.)
  70. Максимова М.Ю., Суслина З.А., Ионова В.Г. Гемореология и гемостаз в остром периоде лакунарного инсульта. *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова.* 2007;107(12):4–7. Maksimova MYu, Suslina ZA, Ionova VG. Hemorheology and homeostasis in the most acute stage of lacunar stroke. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry.* 2007;(12):4–7.
  71. Суслина З.А., Танашян М.М., Ионова В.Г. Ишемический инсульт: кровь, сосудистая стенка, антитромботическая терапия. М.; 2005. Suslina ZA, Tanashyan MM, Ionova VG. Ischemic stroke: blood, vascular wall, antithrombotic therapy. Moscow; 2005. (In Russ.)
  72. Танашян М.М., Орлов С.В., Домашенко М.А., Ионова В.Г. Метаболический синдром и ишемический инсульт. *Анналы клинической и экспериментальной неврологии.* 2007;1(3):5–11. Tanashyan MM, Orlov SV, Domashenko M, Ionova VG. Metabolic syndrome and ischemic stroke. *Annals of Clinical and Experimental Neurology.* 2007;1(3):5–11. doi: 10.17816/psaic432
  73. Танашян М.М., Антонова К.В., Шабалина А.А. и др. Состояние гемостаза и углеводного обмена у пациентов с сахарным диабетом

- 2-го типа и цереброваскулярными заболеваниями. *Тромбоз, гемостаз и реология*. 2018;(4):16–23.
Tanashyan MM, Antonova KV, Shabalina AA, et al. Hemostasis and carbohydrate metabolism in patients with diabetes mellitus type 2 and cerebrovascular diseases. *Thrombosis, Hemostasis and Rheology*. 2018;(4):16–23. doi: 10.25555/THR.2018.4.0858
74. Антонова К.В., Танашян М.М., Шабалина А.А. и др. Гемостаз у лиц с сахарным диабетом 2-го типа и ожирением при острой и хронической цереброваскулярной патологии. *Тромбоз, гемостаз и реология*. 2020;82(2):60–67.
Antonova KV, Tanashyan MM, Shabalina AA, et al. Hemostasis in patients with type 2 diabetes mellitus and obesity in acute and chronic cerebrovascular pathology. *Thrombosis, Hemostasis and Rheology*. 2020;82(2):60–67. doi: 10.25555/THR.2020.2.0919
75. Marcos JL, Olivares-Barraza R, Ceballo K, et al. Obesogenic diet-induced neuroinflammation: a pathological link between hedonic and homeostatic control of food intake. *Int J Mol Sci*. 2023;24(2):1468. doi: 10.3390/ijms24021468
76. Yang D, Hou X, Yang G, et al. Effects of the POMC system on glucose homeostasis and potential therapeutic targets for obesity and diabetes. *Diabetes Metab Syndr Obes*. 2022;15:2939–2950. doi: 10.2147/DMSO.S380577
77. Sinha R. Role of addiction and stress neurobiology on food intake and obesity. *Biol Psychol*. 2018;131:5–13. doi: 10.1016/j.biopsycho.2017.05.001
78. Flores-Cordero JA, Pérez-Pérez A, Jiménez-Cortegana C, et al. Obesity as a risk factor for dementia and Alzheimer's disease: the role of leptin. *Int J Mol Sci*. 2022;23(9):5202. doi: 10.3390/ijms23095202
79. Танашян М.М., Суркова Е.В., Антонова К.В. и др. Сахарный диабет 2-го типа и когнитивные функции у пациентов с хроническими цереброваскулярными заболеваниями. *Терапевтический архив*. 2021;93(10):1179–1185.
Tanashyan MM, Surkova EV, Antonova KV, et al. Type 2 diabetes and cognitive functions in patients with chronic cerebrovascular diseases. *Terapevticheskii Arkhiv*. 2021;93(10):1179–1185. doi: 10.26442/00403660.2021.10.201108
80. Owolabi MO, Thrift AG, Mahal A, et al. Primary stroke prevention worldwide: translating evidence into action. *Lancet Public Health*. 2022;7(1):e74–e85. doi: 10.1016/S2468-2667(21)00230-9

Информация об авторах

Танашян Маринэ Мовсесовна – д-р мед. наук, профессор, акад. РАН, зам. директора по научной работе, рук. 1-го неврологического отд. Института клинической и профилактической неврологии Российского центра неврологии и нейронаук, Москва, Россия,
<https://orcid.org/0000-0002-5883-8119>

Антонова Ксения Валентиновна – д-р мед. наук, в. н. с. 1-го неврологического отд. Института клинической и профилактической неврологии Российского центра неврологии и нейронаук, Москва, Россия,
<https://orcid.org/0000-0003-2373-2231>

Вклад авторов: *Танашян М.М.* – разработка концепции, планирование и проработка исследования, экспертная оценка, финальная корректировка текста рукописи; *Антонова К.В.* – разработка концепции, планирование и проработка исследования, написание и научное редактирование текста рукописи.

Information about the authors

Marine M. Tanashyan – Dr. Sci. (Med.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for research, Head, 1st Neurological department, Institute of Clinical and Preventive Neurology, Russian Center of Neurology and Neurosciences, Moscow, Russia,
<https://orcid.org/0000-0002-5883-8119>

Ksenia V. Antonova – Dr. Sci. (Med.), leading researcher, 1st Neurological department, Russian Center of Neurology and Neurosciences, Moscow, Russia,
<https://orcid.org/0000-0003-2373-2231>

Author contribution: *Tanashyan M.M.* – development of the concept, planning and elaboration of the research, expert assessment, final correction of the text of the manuscript; *Antonova K.V.* – development of the concept, planning and elaboration of the research, writing and scientific editing of the text of the manuscript.